

лучшие детективы мира

АЛЕКСИС ЛЕКЕИ ЧЕРВОННАЯ ДАМА

Против убийцы
играет комиссар Мартин —
Мегра XXI века

secret corpus

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Алексис Лекей
Червонная дама
Серия «Комиссар Мартен», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696087
Червонная дама: роман / Алексис Лекей: АСТ: CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083137-1

Аннотация

Алексис Лекей – блестящий мастер детективного жанра, лауреат престижных премий “Французский саспенс” и “Приключенческий роман года”. Признанный писатель, сценарист и режиссер, он переносит свои книги на экран. Его знаменитый сериал “Жюли Леско” держит высочайший рейтинг на французском телевидении уже больше двадцати лет. “Червонная дама” открывает цикл романов – и успешных телефильмов, – названных именами карточных дам. В центре внимания автора женщины и их роль в игре жизни со смертью. Однако подлинный герой этих книг – бесстрашный и обаятельный комиссар Мартен, сыщик от бога и любимец женщин, не менее популярный в сегодняшней Франции, чем комиссар Мегрэ.

Нервы Мартена на пределе – его бывшая жена неожиданно собралась замуж, у дочери сердечная драма, а на службе замучила рутина. Но когда среди бела дня в Париже происходит убийство молодой красивой брюнетки, Мартен устремляется на поиски преступника, и сюжет начинает развиваться стремительно, не позволяя отвлечься ни на секунду.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексис Лекей

Червонная дама

© 2009, Éditions du Masque, département des éditions Jean-Claude Lattès

© Е. Головина, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Моим червонным дамам посвящается

Глава 1

С работы она вернулась вовремя и как раз успевала с ужином. Но тут позвонила сестра из Тулузы, они проговорили несколько минут, а потом, ставя на плиту кастрюлю, она обнаружила, что в баллоне кончился газ. Она открутила шланг и присоединила его к новому баллону. Ей надо было приготовить только бешамель – об остальном она позаботилась еще утром.

Бросив взгляд на круглые часы, висевшие над холодильником, она поняла, что уже половина восьмого. Быть того не может!

Сердце ёкнуло.

Деревянная ложка, которой она размешивала соус, задрожала в руке.

Она отбросила ложку, словно обжегшись, и нервно потерла руки. Очень красивые руки, длинные и гладкие, с коротко подстриженными ногтями. Их портил лишь искривленный мизинец на левой руке – след перелома трехмесячной давности. А единственным украшением им служило золотое обручальное кольцо, обхватывавшее основание безымянного пальца так плотно, что снять его было невозможно.

Половина восьмого, а его еще нет. Ее тело – точнее говоря, ее руки – отреагировали первыми.

Сколько она их ни терла, дрожь не унималась. В груди поднималась ледяная волна, подчиняя себе все: внутренности сжимались, словно скукоживаясь, грудь как будто стремилась спрятаться под кожу, а то и вовсе исчезнуть; казалось, еще чуть-чуть – и ноги перестанут ей повиноваться. Но в то же время некая часть ее наблюдала за происходящим с почти насмешливой отстраненностью, сравнивая нынешние ощущения с тем, что ей приходилось переживать раньше.

Она измерила себе пульс. За пятнадцать секунд насчитала тридцать один удар. Значит, сто двадцать четыре в минуту. И сердцебиение только усиливалось.

Другая ее часть, наивная до глупости и глубоко ею презираемая, все еще надеялась, что симптомы обманчивы и ничего страшного не случится, но эта нелепая надежда тоже скукоживалась по мере того, как длинная стрелка отсчитывала секунды, складывавшиеся в минуты.

Ее заставил очнуться запах гари. Прощай, бешамель. Да и кастрюля тоже.

Приступ паники утих мгновенно, как будто его и не было.

Двигаясь как автомат, она быстро выключила газ, бросила в раковину полную кастрюлю с ложкой внутри, нараспашку открыла единственную створку окна и до упора открутила кран. Струя холодной воды пробилась толстую серую пленку, образовавшуюся в кастрюле, и вырвала из нее разлапистые хлопья, которые выплеснулись наружу и забили сток раковины.

Вода из крана продолжала течь, заполняя раковину; она смотрела на нее невидящим взором, не понимая, что надо закрутить кран.

Руки, лежавшие на бортике раковины, больше не дрожали. Действуя машинально, она проткнула пальцами пробку из сероватой массы, забившей сток.

Вода уходила, и вместе с ней из головы улетучивались тревожные мысли. Страх ей не поможет. Соппротивление бесполезно. Она давным-давно решила, что не имеет никакого права искать выход из ада, в котором жила.

Почти тотчас же послышалось движение возле двери. Дверь хлопнула, и ее окатило его запахом.

Она закрыла кран и повернулась к нему, готовая ко всему.

Он резко остановился на пороге и втянул ноздрями витавшую в воздухе гарь. Устался на жену. Она не опустила глаз.

– Что еще ты натворила? – тихо произнес он. – Я уродуюсь на работе, а ты тут устраиваешь...

Он не договорил. Тремя решительными шагами приблизился к ней, одной рукой отпихнул ее в сторону и наклонился над раковиной. Сунул палец в остатки соуса и воздел его кверху.

– Что это за дрянь?

Она не ответила. Зачем?

Он ткнул ей в лицо перемазанным пальцем, пачкая нос и щеки.

– Так и будешь молчать? Ничего мне сказать не хочешь?

Она попятилась назад, но он схватил ее за блузку и дернул к себе – так резко, что у нее клацнули зубы.

– Почему не отвечаешь? А? Я одиннадцать часов горбатился на этой сраной стройке! Хоть словечко-то от тебя я заработал? Про ужин я не говорю. Просто объясни мне, чем я заслужил такое отношение!

Она закрыла глаза. От него несло спиртным, и ее замутило. Искаженное яростью лицо мужа придвинулось к ней вплотную, обдав винными парами. Что будет дальше, она знала и так. Но прежде чем нанести первый удар, ему требовалось найти себе оправдание.

– Зенки открой, по крайней мере, когда с тобой разговаривают!

Она открыла глаза и заставила себя посмотреть на него. Даже искаженное злобой, его лицо оставалось красивым. Светлые с рыжиной, коротко подстриженные волнистые волосы обрамляли широкий и низкий лоб. Крупные, но правильные черты, словно вырубленные из камня. Широкий, красиво очерченный рот, из которого сейчас вырывалось смрадное дыхание. Она знала, что ее палач нравится женщинам. Он и ей когда-то нравился. Она его даже любила.

* * *

Он не всегда был таким. В первое время он ее и пальцем не трогал.

Иногда он пропадал на все выходные. Потом возвращался с видом побитой собаки и, обдавая ее приятным запахом мяты, клялся, что не изменял ей. Она предпочитала ему верить – он был внимательным мужем и явно не интересовался другими женщинами. Ему нравилось, когда она прижимала его к себе, как маленького мальчика, и называла малышом. Он был очень красив и любил, когда она ему об этом говорила. Он подолгу стоял перед зеркалом, любясь собой, и она находила это трогательным.

Все изменилось, когда она забеременела. “Залетела”, как иногда выражались ее знакомые. В ее случае это дурацкое выражение неожиданно обрело буквальный смысл: она была на четвертом месяце, когда он столкнул ее с лестницы – они тогда в первый раз крупно поссорились, – и она полетела со ступенек. Он утверждал, что она его забросила. Она пыталась возражать, повторяла, что это не так, а если она больше не может заниматься с ним любовью так же часто, как раньше, то всему виной ее положение и плохое самочувствие.

Он с каждым днем делался все мрачнее и молчаливее и взял привычку исподтишка разглядывать ее живот, как будто ее беременность была какой-то отвратительной болезнью и личным выпадом против него. Тем не менее они говорили о будущем ребенке, и ей казалось, что он мечтает о нем не меньше, чем она.

Несмотря на падение с лестницы, ребенка она сохранила. Следующие несколько дней он демонстрировал раскаяние, и в конце концов она убедила себя, что это была просто случайность.

Он больше не притрагивался к ней до самых родов, но постепенно она догадалась, что он воздерживается от близости с ней не потому, что щадит ее или испытывает угрызения совести, а потому, что ему противно.

Он всегда любил выпить, но теперь, все позже возвращаясь с работы, уже не сосал мятные леденцы, чтобы забить запах спиртного. Она поняла, что его долгие исчезновения по выходным – когда она еще не ждала ребенка – объяснялись тем, что он где-то напивался. Разница заключалась в том, что он больше не считал нужным таиться.

Накануне родов он опять пропал и вернулся только через десять дней.

Он плакал и просил у нее прощения. Он сам не знал, почему ушел, помнил только свой страх. Он боялся, что она его разлюбила, что он для нее больше не существует.

Раньше она никогда не видела, чтобы он плакал. Ее это потрясло, и она решила забыть прошлые обиды. Он изменился. Он стал другим. Они долго стояли обнявшись и заливались слезами.

Немного успокоившись, он посмотрел на нее с улыбкой, и в его взгляде вспыхнул знакомый огонек.

Она еще не оправилась после родов, но это не имело значения. Какая чепуха! Главное, что они снова семья.

Он обнял ее и зарылся лицом ей в шею.

Потом отступил на шаг и с радостным изумлением потрогал ее грудь. Она была у нее красивой формы, но небольшая, а теперь увеличилась на три размера.

Ей хотелось показать ему ребенка, но что-то подсказало ей, что не надо сразу вести его в детскую. Ее беременность была для него таким шоком.

Он расстегнул на ней блузку, сунул руку за бюстгальтер и нежно погладил набухшую левую грудь, слегка зажав пальцами сосок. На его лице появилось выражение детского восторга, снова умилившее ее. Она никогда не видела его таким.

Она застонала. Он поднял ее на руки и отнес в постель. Она опять влезала в свои старые джинсы 38 размера, чем немало гордилась. Он расстегнул первую пуговицу и, резким движением сдернув ее на бедра, уткнулся носом и бородой в ее еще дряблый после родов живот, провел языком по пупку и спустился ниже. Она снова застонала, обхватила руками его голову и притянула к себе, к своему лицу. Она чувствовала такое же возбуждение, как и он.

Покрывая поцелуями его губы, щеки, нос и подбородок, она просунула руку между ним и собой, скользнула пальцами по его твердому животу, проникла за ремень брюк и обхватила его трепещущий разгоряченный член.

Теперь застонал он.

Никогда еще она не испытывала такого желания. Она резко дернула правой ногой, сбрасывая стесняющие ее джинсы, оперлась на пятки, выгнула спину и как могла широко раздвинула колени. Это был ее мужчина, и она хотела получить его всего целиком. Его ягодицы были такими твердыми, что ее пальцы соскальзывали с них. Она куснула его в шею, и в этот самый миг он одним движением вошел в нее, сразу и глубоко. Она издала хриплый крик и неистово обвилась ногами вокруг его талии.

И тут заплакал ребенок.

Она почувствовала, как лежащий на ней мужчина вздрогнул и отстранился от нее.

Она пыталась удержать его, но он высвободился и перекатился на бок.

– Иди ко мне, – сказала она. – Иди. Он просто проголодался. Ничего страшного. Он немножко подождет.

Он лежал, молча уставившись в потолок.

Она оперлась на локти и положила голову ему на живот. Его возбуждение спадало на глаза. Она взяла в руку его полуувядший член и приблизила к нему лицо, но он оттолкнул ее с такой силой, что она упала с кровати.

Он рывком поднялся, натянул штаны и вышел из комнаты, даже не оглянувшись.

В следующие несколько месяцев он начал ее бить. Сначала просто отвешивал оплеухи. Потом стал пускать в ход кулаки. Бил в живот. Бил по спине. Не хотел оставлять следов.

Ей было так стыдно, что она никому не обмолвилась об этом, даже сестре.

Один раз она попыталась уйти от него, собрала чемодан и взяла ребенка, но он догнал ее на вокзале и принудил вернуться.

– Ты уйдешь только тогда, когда я тебе разрешу. Не раньше.

Она уступила, испугавшись, что он выместит зло на ребенке.

Он избивал ее примерно раз в неделю, но больше не сделал ни единой попытки с ней переспать. Ребенок для него просто не существовал. Он не смотрел на него, никогда не брал на руки, может быть, даже не знал, как его зовут.

До того самого дня, когда через восемь месяцев после родов он вошел в детскую, достал из кроватки своего сына и швырнул его об стену. Она даже понять не успела, что происходит. Три с половиной часа спустя ребенок умер в больнице.

Она подтвердила, что это был несчастный случай. Врач и полицейские, которым поручили расследование, смотрели на нее с ледяной недоверчивостью.

– Я тебе не верю! Это он! – позже сказала ей возмущенная сестра. – Зачем ты это делаешь? Зачем покрываешь эту сволочь?

– Я никого не покрываю. Это был несчастный случай. Я виновата так же, как он.

Она и дальше всегда стояла на своем. Правду она открыть не могла – по причине, казавшейся ей вполне очевидной, хотя даже родная сестра была не в состоянии ее понять.

Если бы его посадили, она осталась бы одна. Свободной распоряжаться своей бесцельной жизнью. Она не могла простить себе, что не чуяла беды и не уберегла своего ребенка. Она считала себя виноватой. В гораздо большей степени, чем он. И заслуживала самых жестоких побоев. Она не имела права жить. Но она была трусихой. Ей не хватало мужества покончить с собой. Но она знала, что в один прекрасный день он избьет ее так, что она больше не поднимется. И тогда все кончится. Надо просто еще немножко потерпеть.

* * *

Первый удар кулака пришелся чуть ниже талии. В животе взорвался огненный шар. Она согнулась пополам, у нее перехватило дыхание. Второй удар попал в висок. Она пошатнулась, налетела на буфет и упала на колени.

Все тело было как ватное. Оглушенная, она, как ни странно, не потеряла способности ясно мыслить. Особенной боли она не чувствовала. Пока не чувствовала. Обычно, если она не шевелилась, он отпускал ей еще пару ленивых затрецин и унимался – перед ее безразличием его пыл быстро угасал. Но с этим пора кончать. Она попыталась встать. Оперлась руками об пол, уцепилась за край стола и заставила себя выпрямить ноги. Следующий удар как будто полоснул ей живот кинжалом, и она не сдержала крика. Кажется, он что-то ей сломал. Наверное, сейчас осколок ребра поднимается к сердцу. Может быть, это и правда конец...

Новый удар.

Твердо стоя на массивных ногах, он замахивался кулаком, чтобы пригвоздить ее к ковру. Она закрыла глаза и стала ждать. Но удара почему-то не последовало.

Она разлепила веки. Он смотрел на нее с выражением любопытной недоверчивости. Внезапно ее обожгла ужасная догадка – он понял, что она задумала. *Она хочет, чтобы он ее убил.* Но как он узнал? Из ее глаз хлынули слезы отчаяния. А ведь она никогда не плакала при нем.

Он улыбнулся. Теперь у нее не осталось сомнений. Он знает.

Собрав остатки сил, она бросилась на него. Он с легкостью отстранился, и она снова рухнула на пол.

– Ах ты, сучка, – пробормотал он. – Вот ведь сучка! Вот, значит, о чем ты мечтаешь. Самой сдохнуть, а меня чтобы упекли в тюрьму? Так, что ли?

Она с трудом повернула голову и посмотрела на него. Бешенство исказило его черты, заставив сузиться зрачки. У нее мелькнула надежда – вдруг он не совладеет с собой. Несколько секунд она наблюдала, как он отчаянно борется с непреодолимым желанием размазать ее по стенке, наказать за преступные мысли. В его глазах бушевала ярость. Сейчас он ее прикончит.

В этот миг он краем глаза поймал в балконной двери свое отражение. Вылитый ковбой. Поборник справедливости. Захоти он – мог бы сниматься в кино. Мать как-то сказала ему, что он похож на Джонни Холлидея. Он отступил на шаг. Злоба отхлынула с его лица, опустившись куда-то внутрь, в печенки. На нем появилось расчетливое и почти веселое выражение. Она завывала. Все пропало. Она попыталась выговорить оскорбление пообиднее, но губы ее не слушались.

– Не думай, что перехитришь меня.

Он вышел, и она отключилась.

Когда она очнулась, то сквозь туман медленно возвращающегося сознания услышала, как он напекает, стоя под душем.

Она осторожно ощупала себя. Все тело болело, но, кажется, ничего не сломано.

Отныне он будет бить ее, контролируя силу каждого удара, расчетливо и методично. И никакой надежды, что однажды он ее убьет.

Ад, в котором она живет, не кончится никогда.

Глава 2

Вот уже две недели он ее не бил. Не потому, что ему не хотелось. Нет, он боялся ее. Ему понадобилось несколько дней, чтобы примириться с этой ужасающей в своей очевидности мыслью. Он приходил домой поздно, с каждым вечером все позже, и старался не оставаться с ней в одной комнате. Спал на диване в крошечной гостиной, перед телевизором. И очень много пил.

Долго так продолжаться не могло. Нужно было что-то придумать.

Когда он вспоминал, на что она едва не спровоцировала его, у него по спине пробегал холодок. Сука паршивая. Надо от нее избавиться. Вышвырнуть ее из своего мира.

Но нет. Слишком опасно. Если она настолько зациклилась на том, чтобы его уничтожить – сама готова сдохнуть, лишь бы он загремел на нары, – значит, найдет другой способ с ним расправиться. Тварь хитрожолая.

Временами ярость обуревала его с такой силой, что перед глазами все расплывалось. Ему стоило немалого труда противостоять желанию избить ее до смерти, но он думал о своей матери, о том, что бы она ему сказала, и сам себя урезонивал. Он обязан контролировать свои поступки. Иначе эта потаскуха добьется своего и его погубит. Запросто.

По зрелом размышлении у него оставался один-единственный выход. Он должен избавиться от нее раз и навсегда. Она умрет. В конце концов, разве не об этом она мечтает? Но она умрет так, что никто никогда не обвинит его в причастности к ее смерти. Ни у кого и тени подозрения не возникнет. У него будет железное алиби.

Когда-то давно он уже нашел способ отомстить человеку, нанесшему ему обиду. Он очень долго думал, но в итоге разработал идеальный план. Осуществить его оказалось нелегко, но у него все получилось. Его враг умер, а он вышел сухим из воды.

На сей раз перед ним стоит задача потрудней. Защищать его больше некому, и, допустить он малейшую ошибку, вопросов не избежать. Лишних вопросов. Они снова вытащат на свет божий мутную историю с гибелью младенца. Его арестуют. Посадят в камеру предварительного заключения. Хозяин его выгонит. А потом, даже если они не найдут против него никаких доказательств, ему придется немало попотеть, чтобы найти новую работу. Не исключено, что придется уехать. Далеко, очень далеко. Слухи распространяются быстро.

Значит, надо все хорошенько обдумать. И не торопиться.

По вечерам он не спешил с работы домой. Уже довольно давно он снимал в паре километров от дома бетонный гараж, примыкавший к огородам, на которых возились пенсионеры. В гараже он хранил свое сокровище – темно-синюю трешку БМВ с форсированным двигателем и тюнингом а-ля “Хартге”. Внутри гаража у него был оборудован верстак и имелся набор инструментов. Он многие сотни часов провел, колдуя над своей машиной. И никогда не ездил на ней на работу.

Глухой рокот мотора оставался единственной в мире музыкой, способной ненадолго пригасить его ненависть и гнев.

Он выводил автомобиль из тайника и отправлялся кататься. Он ехал медленно, небрежно выставив левый локоть из окна, и с нарочито равнодушным видом наслаждался завистливыми взглядами пешеходов и других водителей, время от времени бросая взгляд на собственное отражение в зеркале заднего вида. В эти минуты он душой и сердцем ощущал гармонию с самим собой.

Он на малой скорости объезжал пригород. Когда начинало темнеть, он где-нибудь останавливался. Обычно на парковке у съезда с автомагистрали.

Но теперь он стал кататься не просто так. У него появилась цель. Он выключал мотор и часами сидел, рассеянно постукивая пальцами по рулю, попивая пиво и обдумывая свой план, который постепенно обретал все более реальные черты. Шум проносающихся мимо легковушек и грохот срывающихся с места грузовиков действовал на него убаюкивающе.

Почему? Вот вопрос, на который он должен в первую очередь найти ответ. Почему кто-то еще, помимо него, хочет от нее избавиться? На этой идее основывался весь его план. Полицейские – не дураки. А уж ее сволочная сестрица постарается навешать на него всех собак. Значит, необходимо с самого начала отвлечь внимание следователей от его персоны. И немедленно подсунуть им удовлетворительный ответ на самый главный вопрос: почему?

Проблема заключалась в том, что у нее – если не считать его самого – не было врагов. Может, на работе? Он испытал мимолетное сожаление: увы, он понятия не имел, с кем она работает и чем там занимается. Ладно, плевать. Никакой служебной ссорой убийство не объяснишь. Надо придумать что-то еще.

Может, нанять кого-нибудь, кто сделает за него грязную работу?

Нет, слишком рискованно. Правда, у него имелась пара-тройка знакомцев, способных не только замочить клиента, но и получить от этого удовольствие, но он не располагал достаточной суммой, чтобы с ними расплатиться. Но даже будь у него деньги, он не мог никому довериться. У людей длинные языки. Хороший удар в морду, желание похвастаться перед подружкой или приятелем, сделка с легавым... Нет. Более чем рискованно.

Его взгляд случайно упал на рваную киноафишу, болтавшуюся на заборе, и тут его осенило. Это еще не было решение, но он понял, что нашел первую зацепку.

Афиша была темной, выполненной в красных, черных и темно-синих тонах. На ней угадывался стройный силуэт женщины с красивыми ногами, в туфлях на высоких каблуках – на них падал свет одинокого уличного фонаря, – убегавшей куда-то в ночную тьму. Того, кто гнался за ней, художник не нарисовал, но и так было ясно, что женщину кто-то преследует.

Женщины самой природой предназначены на роль жертв. Уж кому-кому, а ему это отлично известно. Принадлежавшая ему женщина была хорошенькой – с бледной кожей, тонкими чертами лица, длинными ногами. Мерзавка и извращенка – это да, но фигурой очень похожа на актрису с афиши и вполне могла бы понравиться мужчине, который ее не знает. Понравиться настолько, что он бы за ней пошел. И попытался бы познакомиться.

Вот она выходит с работы. Между вокзалом и домом есть по меньшей мере три места, где ее мог бы поджидать злоумышленник.

Но для того, чтобы полиция не обратила на него внимания, он должен подкинуть им другой след – более интересный и убедительный.

Какой? Он опять и опять возвращался к одному и тому же вопросу. Надо подумать.

И тут вдруг он улыбнулся.

Смутная поначалу мысль постепенно обретала форму. Пока она наполнялась конкретным содержанием – почти без его участия, вроде бы сама по себе, как это свойственно всем здравым мыслям, – он осознал всю гениальность плана. Никто до него и вообразить не мог ничего подобного. Он не просто красив. Он еще и очень умен.

Его немного огорчало лишь одно: он никогда и никому не сможет рассказать, как он хитер.

Глава 3

Комиссар Мартен в стотысячный, должно быть, раз за свою жизнь подумал, до чего же он ненавидит урлу.

Особенно когда на улице жара. А сегодня было очень жарко. И ни намека на кондиционер не только у него в кабинете, но и на всех пяти этажах здания.

Больше всего его бесила не их жестокость, не их безнравственность и не отсутствие порядочности даже по отношению к собственным подельникам и родне. Больше всего его выводила из себя их поразительная, непроходимая тупость, сравниться с которой могла разве что узколобость, отсутствие воображения и полная неспособность к логическому мышлению некоторых полицейских и судей. Если бы не это печальное обстоятельство, все бандюганы давным-давно сидели бы за решеткой.

Даже когда им удавалось уйти от справедливого наказания, они не понимали, до какой степени им повезло. И вместо того чтобы залечь на дно, тут же принимались за старое.

Перед ним сидел Поль Мерсье, он же Пауло Луна, обязанный этим прозвищем своей физиономии – круглой, бледной и пористой. Сейчас он тарачил на него глаза, изо всех сил изображая оскорбленную невинность.

– Говорю вам, я с корешами был, – брызжа слюной, кипятился он. – С пятью корешами. Мы в покер играли. Кстати, я продул. Как их звать, я вам сказал. Можете сами у них спросить. Так что это точно не я. А этот чувак просто на меня похож, вот и все.

Три свидетеля опознали в нем грабителя, совершившего налет на ювелирный магазин в III округе (он не сумел даже дотерпеть до “мерседеса” с тонированными стеклами, угнанного за восемь часов до налета, сорвал с лица маску и сладострастно почесал нос). За месяц это было уже третье ограбление, совершенное Пауло и двумя его друзьями (которые в данный момент ожидали в соседнем кабинете, прикованные наручниками к стене). Но они не просто грабили. Они уводили с собой жертв налета: мужчин избивали, женщин избивали и насиловали. Они были очень глупыми и очень злобными.

Мартен вздохнул.

– Из твоих пятерых корешей трое на условно-досрочном, – сказал он.

– Ну и что? Это еще не значит, что они врут!

– Скажи-ка, Пауло, ты когда-нибудь слышал выражение “нарушение норм поведения”?

– Да нет, – недоуменно протянул Пауло.

– Если тебя выпускают из тюрьмы условно-досрочно, – терпеливо объяснял Мартен, – то одна из вещей, делать которые ты ни в коем случае не должен, это участие в азартных играх. Игра на деньги и есть нарушение норм поведения. Именно такой точки зрения придерживается служба исполнения наказаний.

– Да ладно! Вы же не станете к ним цепляться из-за такой ерунды?

– Я-то не стану. А вот судья точно прицепится.

Он поднял телефонную трубку и набрал городской номер.

– Добрый день, Одиль. Это комиссар Мартен. Господин судья у себя? Очень хорошо. Попросите его, пожалуйста, мне перезвонить.

Пауло Луна побледнел немного больше обычного.

– Вы этого не сделаете, – взвыл он.

– Почему? – удивился Мартен. – Да ты не расстраивайся. Если у твоих дружков хватит мозгов, они скажут, что знать тебя не знают, и даже мы не сможем доказать обратное. Но твое алиби разлетится в пыль. И ты сядешь. Пока ты будешь париться на нарах, они через адвокатов свяжутся со своими друзьями, а уж те о тебе позаботятся. У тебя в тюрьме будет не репутация, а блеск. Пауло-стукач.

Пауло шумно сглотнул. Он знал, что Мартен не шутит. Убить его, может, и не убьют, только от этого не легче.

– Я сказал не всю правду, – попытался вывернуться он. – В тот вечер я не был с корешами. Да я, если честно, вообще в покер не играю.

– А где же ты был?

– Не могу сказать. Не имею права. Это с моей стороны было бы некрасиво.

– Да ну?

Мартен замолчал, и в комнате повисла тишина. Испытанный тактический прием, каких в его арсенале имелось немало. Пауло нервно заерзал на стуле.

– А если я вам скажу, у нее не будет неприятностей?

– У кого? – все так же спокойно спросил Мартен.

– У Аниты. В смысле, у Анни. Анни Берже. Мы с ней одно время жили вместе. И мне не хотелось бы причинять ей беспокойство. Она сейчас приличная женщина, свое кафе, муж, все дела... Но иногда мы встречаемся. Типа вспоминаем старое. Ну, сами понимаете. Если будете ее допрашивать, постарайтесь, чтобы ее муж ни о чем не узнал.

Мартен кивнул:

– Очень похвально с твоей стороны, Пауло. Мы расспросим эту женщину с максимальным тактом. Так что не волнуйся.

Пауло издал вздох радостного облегчения. Опаньки! Вот как все просто. Его задержали почти двадцать часов назад – без нескольких минут. А в коридоре уже наверняка сидит его адвокат с портфелем на коленках. Надо только шепнуть ему пару слов насчет Аниты. Не зря он про нее вспомнил. Анита не из тех, кто расколется перед первым попавшимся легавым. Она согласится дать показания. Тетка под пятьдесят, с варикозными ногами – Пауло сроду с ней не трахался и впредь не собирался, но это не важно. Она подтвердит его слова, а он потом с ней расплатится. Она его не подведет.

Звонкая оплеуха застала его врасплох.

Он не сдержался и вскрикнул от боли.

Мартен уже снова сидел за столом, как ни в чем не бывало сложив руки возле ноутбука.

– Извини, нечаянно вышло, – с любезной улыбкой проговорил он. – Просто мне показалось, что ты отвлекся. А я хочу тебе кое-что показать.

Он встал, схватил Пауло за плечо и увлек его за собой в коридор. Довел до небольшой двери, открыл ее и запер за собой.

Они очутились в каком-то помещении, похожем на шкаф и пропахшем пылью. На стене перед ними что-то блестело отраженным светом. Пауло сжался и втянул голову в плечи, опасаясь худшего.

Внезапно бликующий прямоугольник вспыхнул ярким светом. Чудо объяснялось просто – Мартен нажал кнопку в стене. Пауло заморгал глазами, но по мере того, как его глаза привыкали к смене освещения, удивление на его лице сменялось откровенным страхом.

Прямо перед ним, по ту сторону прозрачной перегородки, сидели, прикованные наручниками к стене, оба его подельника, изучая тоскливыми взглядами залитый неоновым светом потолок.

– Мы можем говорить, – сказал Мартен. – Они нас не слышат. Мне точно известно, что главарь не ты, Пауло. Главарь – вон тот, со шрамом на лбу, старший из братьев Огаль.

– Я их не знаю, – слабо запротестовал Пауло.

– Ну, как хочешь.

Он снял с него наручники:

– Все, ты свободен.

Пауло подозрительно покосился на него, нутром чуя, что его заманивают в старую как мир, но все еще исправно действующую ловушку.

– Что, правда? Я могу идти?

– Я же тебе сказал.

Мартен подтолкнул его к выходу:

– Давай, проваливай.

Но Пауло не решался просто взять и уйти.

– Пойдите, пойдите. А что вы им скажете? Что я их сдал, так, что ли?

Мартен повернулся к нему спиной и двинулся к своему кабинету, по пути рассеянно поздоровавшись с выходящим из лифта коллегой.

Пауло на миг задержался взглядом на кабине лифта, двери которой медленно закрывались, и бросился вслед за Мартеном.

– Так нечестно, – заныл он. – Они меня уруют! У Огалея есть еще три брата! Они мне кишки выпустят!

– Ну, я не могу помешать им делать выводы, – почти не замедляя шага, проговорил Мартен. – Все, проваливай отсюда.

Пауло замолчал и остановился понуриив голову. Потом медленно пошел к лестнице, спустился на несколько ступенек, но, почувствовав, что ноги его не держат, присел. У него кружилась голова. Он понимал, что отныне он – труп и никто на свете не в силах вернуть его к жизни. Он не сдал братьев Огаль, но они решат, что он их сдал. Ему ни за что не убедить их в том, что они ошибаются. В любом случае, когда его придут убивать, он и слова не успеет сказать в свое оправдание. Он встал. Жизнь полна несправедливости, но что он против этого может?

К концу рабочего дня Мартен решил на часок заглянуть в качалку. После многочасового сидения за столом ему настоятельно требовалась физическая разрядка. Он достал из шкафа спортивную сумку и убедился, что все необходимое в наличии.

Его тревожила оплеуха, которую он влепил Пауло. Он никогда раньше не бил подозреваемых. Этот жест вырвался у него помимо воли, что его немного пугало. Он огорчился не столько тому, что ударил Пауло, сколько тому, что утратил самоконтроль. Значит, с ним что-то не так – догадываться об этом он начал уже давно, и сегодняшнее происшествие лишь подтвердило его опасения.

В спортзале, как всегда по вечерам, народу будет битком, но он займет свободный тренажер и покачается. Судья из службы исполнения наказаний так ему и не перезвонил – по той простой причине, что Мартен к нему не обращался. Проходя мимо кабинета Жаннетты, Мартер сунул голову в дверь и поблагодарил ее за помощь. Вместо ответа она одарила его широкой улыбкой.

В бакалее на углу он купил бутылку минералки и слойку с фруктами, сжевал пирожок, запил парой глотков воды и убрал бутылку в сумку.

В вестибюле спортзала дежурная напомнила ему, что у него скоро заканчивается абонемент.

Почти все вешалки в раздевалке были заняты. Мартен нашел свободный крючок, разделся, натянул спортивные трусы и бесформенную майку, убрал в шкафчик ключи и документы, оставив при себе только хронометр, бутылку воды и мобильник. Пистолет и полицейское удостоверение он убрал в бардачок машины, запиравшийся на ключ, – привычная предосторожность.

Народу в зале действительно было под завязку. Он издали поприветствовал трех других посетителей и за руку поздоровался с тренером. Окинув беглым взглядом помещение, он обнаружил, что, как ни удивительно, его любимый силовой тренажер свободен. Надо думать, ненадолго. Если он начнет с разминки, его точно займут.

Значит, обойдемся без разминки.

Он пошел прямо к тренажеру и принялся за серию из пятнадцати упражнений, даже не потрудившись сменить установленные на нем гири.

Вокруг звучала тихая музыка, заглушаемая шумом разговоров и механическими поскрипываниями снарядов. Он сосредоточил взгляд на пятне на потолке и отключил все мысли.

Ему было хорошо. Он чувствовал себя словно перенесенным во вневременное пространство, где существовало только физическое усилие, а мозг практически не функционировал.

Закончив серию, он приподнялся. Поймал собственный взгляд в большом зеркале, занимавшем всю противоположную стену, и тут же отвернулся. Ему не нравилась его внешность: сорокапятилетний здоровяк, он сам себе напоминал массивный булыжник на пляже. В сидячем положении он казался толще, чем был на самом деле. И не мог не понимать, что булыжник только выглядит монолитным, тогда как уже пошел трещинами. Особенно изнутри. Он усмехнулся. Да уж, удачный образ, ничего не скажешь.

Какой-то мужчина атлетического сложения с удовольствием разглядывал в зеркале свое отражение, и Мартен в очередной раз убедился, что мужчины смотрятся в зеркало гораздо чаще, чем женщины.

Напротив него симпатичная брюнетка в черных колготках и обтягивающем боди качала пресс, с невольной непристойностью разводя закрепленные в тренажере ноги под углом в почти 180 градусов, а затем снова с усилием сводя их вместе; ее лицо с закрытыми глазами было обращено вверх, на голове были наушники от плеера, а шею и челюсть свело от напряжения. Под туго натянутыми колготками на ней, судя по всему, больше ничего не было. Мартен торопливо отвел взгляд – не хватало еще, чтобы его приняли за вуайериста.

Передышка закончилась. Мартен размял трицепсы, последовательно вытягивая руки кверху и отводя предплечья как можно дальше назад, за спину, после чего взял две гири по двадцать килограммов, прикрутил их к штанге и улегся на скамью, упершись ногами в пол, готовый выполнить еще одну серию из двенадцати упражнений. Он сосредоточился, сделал глубокий вдох и резким толчком поднял восемьдесят килограммов груза.

В этот миг сердитым шмелем зажужжал его мобильник.

Мартен не собирался бросать тренировку и довел всю серию до конца. Затем опустил штангу на подставку и схватил мобильник ровно в ту секунду, когда тот замолчал. Однако Мартен успел прочесть мелькнувший на экране номер комиссариата.